

Алексей Герман, сын писателя Юрия Германа, автор гениальных фильмов "Двадцать дней без войны" и "Мой друг Иван Лапшин", считает, что жена — не только его половина, но и половина его успеха

На снимках: Л. Гурченко, А. Петренко и Ю. Никулин в фильме «20 дней без войны».

Алексей ГЕРМАН:

ЛЮБОВЬ - ЭТО ВРОДЕ *Комм. правда - 1995 - 18 авг. - с. 11.* ЗЕМНОГО ТЯГОТЕНИЯ

— Леша, у тебя в фильме «Двадцать дней без войны» есть эпизод, думаю, он вошел в учебники кинематографии: Петренко минут десять произносит монолог. Никто не говорит о содержании монолога, а он — о любви. Ты со многими беседовал о разном, только ни с кем никогда — о любви. Давай поговорим о любви.

— Я несколько ошеломлен, потому что уж если кто не подходит к этой теме, то это я, ну хотя бы внешне: жирный человек, с огромным брюхом, старший. Можно найти красивого человека. Вот Олег Янковского. Это я могу себе представить: ты сидишь вот так, напротив тебя Олег Янковский, застыл весь Советский Союз.

— А я воспитывалась на твоём кино. И потому говорю с тобой, а не с Янковским. Ты знаешь, что такое любовь?

— Как Шварц писал: очень приятно и немножко неприлично. Мне отец когда-то рассказывал: ему было лет 15, а у них диспуты проводились в городе Обояни или Курске, где он тогда жил с высланными родителями: «Любовь с черемухой, или Любовь как стакан воды». Тогда, кстати, нельзя было дарить цветы, потому что был лозунг: «Цветы — половые органы растений». И вдруг мой несчастный папа на диспуте, рассказывая о том, что любовь должна быть, как стакан воды, а его оппонент вскрикивал, что нет, с черемухой, увидел деда, бывшего офицера, который слушал, что говорил его 15-летний сын! Мне всегда было это неинтересно. Я понимал эти африканские страсти, девушки рыдают, юноши вешаются, я тоже читал «Ромео и Джульетту», которых приводят как символ невероятной любви, хотя это в принципе история резни, но мне всякий раз приходила банальная мысль: ну и что дальше? Допустим, он не отравился, не зарезался, женились они, и начинают у них проблемы, свекрови, поездки, упреки, стояния у плиты, беременность, «куда ты ушел», «а ты чего»...

— Послушай, ты говоришь, как специалист... по любви. Как-то отстраненно. Как будто с тобой подобного не происходило. Но с тобой происходило все то же самое. И потому я хочу напомнить тебе классическую фразу: я клянусь, что и это любовь была! И плита, и что-то еще...

— Конечно, конечно. Я помню, как я был влюблен, а девочка мне морочила голову и просто возбуждала ревность другого мальчика. Она меня бросила. Мы с ней ходили купаться, и мои плавки у нее сушились, и она прислала мне их с запиской: все, что скажет тебе человек, который передаст

плавки, правда. Меня вызвали с репетиции, передали, у меня поплыла земля от огорчения. Два дня я бешено переживал, познакомился еще с одной девушкой, которая, проведя со мной ночь, украла у меня чемодан, я сел и заплакал. Нет, я понимаю, что это лучшие минуты жизни, и что такое цветы, и что такое ночная улица, по которой стучат твои каблук, когда ты возвращаешься, или каблук твоей любимой. Но мне кажется, что высшая математика этого приходит с годами. Там странные игры желез и гормонов, а тут какой-то момент понимания, внедрения друг в друга, не эротическое, а другое — жалости друг к другу, необходимости. Я на днях был в огромной богадельне ленинградской, может, это и не богадельня, я не могу сказать, что она плохая, хотя любящая богадельня, как ты понимаешь, печальная вещь. И вот среди этих искаженных возрастом людей на стуле возила женщину. У нее была блузка, какой-то галстук, соломенная шляпка, все достаточно нищенские, понятно, что туда состоятельные люди не попадают. И стул этот возил тоже старичок в каком-то отутюженном костюмчике и с галстуком. Эта пара среди рухнувших людей держалась. И это был какой-то поразительный эффект. Они держались среди этого хаоса. Своим костюмом, своей дурацкой шляпкой. Я представил себе, как он приносил ей перловую кашу, может быть, я нафантазировал, но мне показалось, что это была какая-то высшая ипостась любви. Я помню, как один оргазм женился на очень молодой женщине, и все посмеивались по этому поводу, он был уже старик, а потом он умер, а она покончила с собой, и все онемело. Существуют какие-то

высшие проявления всего этого... Я не знаю, что получилось в «Двадцати днях», но мы хотели, чтоб было безумие от любви, и Петренко пригласили и играли весь эпизод для того, чтоб получился жлоб, отрицательная фигура. Потому что первая его реакция, ты обрати внимание, какая советская: другой бы побежал вешаться, как только узнал об измене, а он — письмо писать, отзываться аттестат, паек. А вот любовь, допустим, Никулина и Гурченко, их прощание, это тяготение мне казалось очень интересным исследовать...

— Но я хотела бы к твоей жизни обратиться, если позволишь. Я знаю тебя давно и давно знаю Светлану, знаю, какой это сложный союз, я говорю это, не вторгаясь в закрытую от чужих глаз жизнь. Но знаю также, что вы по временам доходите почти до разрыва и снова воссоединяетесь, и не просто в любви, а в работе, и это для меня поразительная история. Я люблю вас вместе и считаю тебя очень талантливым человеком, а Светку — очень умной женщиной, думаю, что вы друг без друга не можете работать, а может, и жить.

— Ну мне, честно сказать, на эту тему и разговаривать неохота. Ну давай я значит, про тебя и Валеру начну, ты тоже завертись, верно?.. Вот что, наверное, случилось: тут сочетание меня как режиссера и Светланы Кармалиты как сценариста и моего соавтора. Ведь, допустим, известно, что в космосе, если надолго запускать людей, то необходимо их подбирать по признакам сожительства. Допустим, два волевых человека скорее всего в космосе сожрут друг друга или один перекусит шланг, если другой вылезет в открытый космос. У

нас действительно сочетание: я человек истерический и атакующий, но достаточно безвольный, на длинной дистанции мне делается скучно, а Светлана — человек жесткий, на длинные дистанции существующий. У Светланы критический ум. И, очевидно, я бы не смог ни с каким другим человеком так близко работать. Светлана сидит за машинкой, я по спине Светланы чувствую, что ей не нравится, и начинаю беситься, она даже голову не повернет, но я по спине не понимаю, что пошло не туда. Я не скрываю, что вряд ли смог бы быть режиссером известным без Светланы. Но и могла бы без меня Светлана писать, сказать не могу. Но скажать, что это счастье, что нас жизнь соединила, тоже довольно трудно, может, Светлана была бы счастливее, может, я был бы счастливее, если бы нас разъединила жизнь. Я не знаю, считает ли Светлана, что ей повезло.

— Я могу только сказать: я клянусь, что и это любовь была.

— Вот я думаю о женах декабристов. Не то, что уж какая-то такая страсть погнала их в Сибирь. А может, и страсть. А может, общественное мнение. Они проклинали себя в этих возках, а вернуться было невозможно. Потому что предательство было не в моде. Сейчас известная женщина, прелестная внешне, замечательный депутат говорит: первый муж был хорош, второй — тоже, зато третий — богат.

— Ты снял мало фильмов. И ты как бы собиратель доку-

ментов жизни, в каждом фильме столько мелочей, которые рисуют время, это твой почерк, откуда целая школа пошла, вот как ты видишь эту шляпку, например, или прямую спину. А я вижу твою колоссальную любовь и к этой вещи, и к этой жизни, и к этим людям.

У нас жуткие временные паузы, денег все время нет, картина «Хрусталева, машину» стоит по полгода... Героиня Оля, которая берет у героя конфеты к вечернему чаю, за время паузы страшно растолстела, и я ей говорю, что ж получается: с конфеты тебя так к утру разнесло? — А переснять нельзя? — Переснять? Что ты, это я повешусь, невозможно переснять.

— В «Хрусталева» есть два топтуна габэшные, которые говорят: вчера на вызов ездили, мужчина и женщина лет 60, пожилые, покончили с собой, представляешь, любовь у них какая-то странная. Вот тут какие-то вещи зарыты. Нас на одной картине возил человек, которого своим приказом Андропов в 24 часа уволил из госбезопасности. Он работал у нас 10 часов в день, и 10 часов в день он рассказывал государственные тайны. А перед этим у него страшная работа была, он следил за дочкой Мухитдинова, которая принимала любовника-негра, а он должен был сидеть в ветках дерева перед ее окном и фотографировать. Он говорит: вы представляете себе, они вот этим занимаются, и сколько времени, они такие страстные, а ты сидишь 50 минут и за этим смотришь...

— Я говорю, что есть такой феномен: ты снимаешь кар-

тину про время, как режим губит людей, но ты все время любишь этих людей, любовь бесконечная...

— Да, старался... Сейчас, наверное, придется резать в «Хрусталева», там, где мы их не любили.

— А там есть любовь, любовная история?

— Как ни странно, есть, очень короткая. Сюжет в том, что вот человек живет-живет, как во сне, а в один прекрасный момент приходит к учительнице сына, совсем ему худо, загнала его жизнь, как волк из твоей прихожей, я взял эту голову волка в картину, мне показало, очень интересно: в квартире жильцы меняются, а волк — свидетель разных жизней, разных эпох. И вот герой приходит как бабник, как человек, ощущающий еще вкус жизни, там немножко черты моего отца, он проводит абсолютно глупую ночь, потому что она много лет с ума по нему сходит и в грубой форме требует сделать ей ребенка: потому что я понимаю, что вы сгниете, и я хочу, чтоб у меня был ребенок. Он в некоторой панике, говорит: ну что я тебе, бык Васяка, что ли, я бежал, я замерз, меня посадят сейчас, а я тебе буду делать ребенка. Она говорит: нет, вот сделайте, иначе я ничего для вас не сделаю. И вдруг из этого, в общем, идиотизма, достаточно длинного, снег идет в Москве, вдруг... Это еще не снято, хотелось бы, чтобы из этого произошло то, что он долго будет вспоминать.

— Это послевоенное сталинское время?

— Да, 53-й год, в течение двух дней все происходит.

— А сколько лет снимается картина?

— Да пятый год. Ну что я могу сделать, если услуги в кинематографе за это время подорожали в три с половиной тысячи раз! Я не хочу ни с чем считаться. Я хочу снять картину так, как она была придумана. Десятилетие назад люди бы понимали и уважали меня за все мучения. А теперь я вызываю

раздражение: ну почему эта жирная свинья сидит, мы б за это время давно сняли бы много картин, а он сидит на своем и не слезает.

— Ты держишь... ты такая фигура, атлант, ты защищаешь что-то настоящее.

— Понимаешь, при наличии такого живота и таких слабых, в общем, рук это не работа. Но во всяком случае я не могу по-другому, и это мое несчастье. Ладно, оставим все к чертовой матери. А вернувшись, скажем, что мир стоит на любви, и никому от этого не денешься. Он стоит на любви мужчины к женщине, в каком-то долгом, продолжительном смысле. Он стоит на любви человека к родине. Он стоит на любви женщины к ее ребенку. И мужчины к ребенку. Вот выны из мира это, и мы превратимся в омерзительную стаю макак.

Ольга КУЧКИНА.